

developing and improving speech and cultural competences of pupils. The materials proposed by the authors might be useful for the teacher in means of stirring up pupil's speech potential, because helps to form the valued attitude toward an object and culture, arising up on a background interest in the facts of language and culture simultaneously.

Key words: periphrase, trope, emotional-figurative description, the school system of learning Dal, speech and cultural competences.

Стаття надійшла до редакції 10.02.2013 р.

Прийнято до друку 28.02.2013 р.

Рецензент – д. пед. н., проф. Горошкіна О. М.

УДК 821.161.1-31.Ули(045)

С. М. Лызлова

**ГУМБЕРТ ГУМБЕРТ НА «ДРУГОМ КОНЦЕ СВЕТА»
(на матеріалі розповіді Л. Улицької «Голубчик»)**

Изучение типологии межтекстовых связей и интертекстуальных аллюзий в малой прозе Л. Улицькой представляет значительный интерес в плане гендерной перекодировки традиционных сюжетов и мотивов классической литературы на «новый лад» [1].

Цель данной статьи состоит в обосновании интертекстуальной игры как одной из форм демифологизации исторического прошлого, что предполагает, во-первых, уяснение природы авторской игры (кто, зачем и как играет?) и, во-вторых, выявление специфических особенностей литературного ремейка в творчестве Л. Улицькой.

С точки зрения авторской игры с классикой, рассказ Л. Улицькой «Голубчик» (1995) представляет собой ироническую интерпретацию набоковской «Лолиты» (однажды уже ставшую объектом пародийного переосмысления в раннем рассказе У. Эко «Нонита»). Однако в ремейке «Голубчик» ирония направлена не на литературный образец, как в случае с «Нонитой»; объектом иронии Л. Улицькой являются, на наш взгляд, советские гендерные мифы 1950 – 1960-х гг.

Как известно, связь с предтекстом, объектом авторской игры, эксплицируется на различных уровнях основного и побочного текстов современного произведения. В рассказе «Голубчик» концептуальная связь с предтекстом устанавливается в самом начале рассказа: «В те самые годы, когда Гумберт Гумберт томился по своей непополовозрелой возлюбленной и строил бесчеловечный план женитьбы на бедной Гейзихе, на другом конце света Николай Романович, одинокий профессор философии ...» [2, с. 158]. Отметим, в первую очередь, единство сюжетного времени («те самые годы»); вариативность мотива

запретной любви, основанную на социально-культурных различиях *здесь* и *там*: *там* Гумберт Гумберт томился по Лолите, *здесь* Николай Романович жил в вечном страхе под угрозой сто двадцать первой статьи («слишком страшно жили»); зеркальность названий произведений Л. Улицкой и В. Набокова. Домашнее прозвище Славочки «голубчик» и детское имя Лолита становятся символом «любовного недуга, идущего вразрез с общепринятыми нормами», греховностью которого исчерпывается глубокое родство «светлокожего вдовца» из Америки с преподавателем марксистско-ленинской эстетики на «другом конце света».

Очевидно, что для рассмотрения художественного своеобразия ремейка «Голубчик» имеет значение не только «чужой» набоковский контекст, но и авторский контекст сборника рассказов «Первые и последние» с выраженной антитезой в его названии. Но при ближайшем рассмотрении деление героев Л. Улицкой на победителей и побежденных оказывается мнимым; как «первые», так и «последние» отличаются некой нравственной ущербностью, каким-либо телесным изъяном (болезнью), чем обусловлена их равная удаленность от выигрыша. Эта нравственная ущербность полнее всего обнаруживает себя на уровне гендерного поведения героев, в мире семейных или любовных отношений как наиболее мифологизированной сфере человеческого бытия.

В основе ремейка «Голубчик» ироническая интерпретация классической темы запретной любви на фоне гендерных стереотипов советской эпохи. Кроме того, само рейтинговое мышление, характерное для социально-исторической действительности «первых» и «последних», становится в рассказе объектом авторской иронии. Фамильярный тон повествования, телесно-сексуальная тематика, натуралистические детали и вольный культурологический комментарий подчеркивают, с одной стороны, свободу современного автора и, с другой стороны, обозначают ту степень социальной и личной свободы, которая принципиально недостижима для героев «свинцового века».

Упоминание имени Гумберт Гумберт в начале рассказа вводит мотив запретной страсти и возможного способа ее осуществления. Иронически сопоставляя условия задачи *здесь* и *там*, автор однозначно оценивает гумбертовский план женитьбы на «бедной Гейзихе» как бесчеловечный, но вполне допускает мысль, что на другом конце света «субтильный пожилой мужчина в крупных очках на мелочном личике», с несчастной склонностью к мужскому полу, составляет для Антонины Ивановны «блестящую партию».

Вероятно, должны существовать такие условия, при которых изначально ущербный брак «культурного профессора» и «кастелянши» может рассматриваться с позиции необыкновенного везения, нежданного счастья из золотых женских снов. Одно из них – гендерный рейтинг, где точно обозначено место Антонины Ивановны: она несколько не была

дамой и гражданкой могла бы считаться «с натяжкой»; ее относят к распространенной категории заурядных теток (тетёх), или безнадежных «сереньких индюшек». Характерно, что в портретном описании «серенькой индюшки» акцентируется наиболее выразительный признак телесной (сексуальной) непривлекательности героини – «толстые ноги» [2, с. 159]. По справедливому замечанию В. Руднева, ноги – это «символ плотской любви» [3, с. 471], неслучайно в рассказах сборника «Первые и последние» описание ног / обуви содержит основную гендерную характеристику героинь и оценку их телесной привлекательности. Так, на любопытные вопросы подружек об интимной стороне семейной жизни Антонина Петровна отвечает просто: «Да я живого-то... уж сколько лет не видала, и да ну его совсем, я уж и так привыкла» [2, с. 163].

Гендерные роли определяются в соответствии с устойчивым женским мифом об удачном замужестве, с общепринятой, закреплённой идеологически моделью женского поведения, где женщина ассоциируется преимущественно с бытом и «хранением домашнего очага» (с его неперемными атрибутами «стирка, готовка, уборка»). Таким образом, в мифологизированной реальности на «другом конце света» замужество по определению является одной из главных ценностей, символом женского жизненного успеха, открывая возможности, например, для чудесного превращения Антонины-кастелянши в почтенную супругу доктора философии (Ксантиппа Ивановна). Речь идет здесь о практической, материально-бытовой стороне семейных отношений, о таком мнимом выигрыше «последних», вдруг ставших «первыми», как комната восемнадцать с половиной метров, этаж пятый, окна во двор, дом шикарный на улице Горького, питание из кремлевского распределителя и т.д.

Брачные отношения в «мужском» мире также подразумевают сделку, взаимовыгодный договор на основе «ты – мне, я – тебе». Николай Романович скрупулезно составляет перечень брачных обязательств, согласно которому исключены «постельные радости» и межличностное общение («со мной-то он больше молчком молчит»), за что супруге полагается «отдельная комната, полное обеспечение, уважение, разумеется» [2, с. 162]. Слава-голубчик после смерти отчима женится по расчету, ради восстановления московской прописки, на какой-то «пропадающей алкашке».

Следует также подчеркнуть, что тема запретной любовной страсти в рассказе Л. Улицкой раскрывается с помощью цветовой и музыкальной символики. Первый портрет Славочки-отрока выписан исключительно в светлой гамме: «бледноволосый», «белейший лобик», «светлое изящное существо», «бледно-голубые глазки», «белесые ресницы» и т. д. Начало нового этапа в жизни Славы-юноши («сильная мужская любовь») окрашено темными тонами – его новый учитель появился в «один из темных, но еще теплых вечеров», отделившись от

«группы темных фигур», а глаза Славы в момент их первой встречи были «зеркально-черными». Трагический финал новой жизни героя так представлен с точки зрения Евгении Рудольфовны, приехавшей на опознание: «Опознавать там было нечего. Это было какое-то черное тряпье, почти земля, очень страшная земля» [2, с. 193]. Отметим виртуозное обыгрывание автором речевых штампов «золотой сон», «золотое детство». В первом случае авторская ирония корректирует читательские ожидания относительно «блестящей партии» для Антонины Ивановны (не всё то золото, что блестит); а во втором случае объектом разрушительной иронии становится миф о золотом (счастливом) детстве в советском обществе: «все, о чем только мог мечтать Гумберт Гумберт» досталось Николаю Романовичу [2, с. 170].

Мотив музыки / музыкальности связан, прежде всего, с утонченным миром духовности, сферой осуществленной свободы и неосуществленного высокого предназначения человека. Своей музыкальной одаренностью, редким дарованием «слышать» музыку Слава расплачивается за ту несчастную склонность к мужскому полу, которую воспитал в нем отчим. Так, одержимость героя «сильной мужской любовью», горячее желание быть любимым мужчиной разрушает духовное начало, гармонию (музыку) внутреннего мира, о чем свидетельствует его признание Евгении Рудольфовне в том, что музыки он давно уже не любит, а «любит только звуки». Кроме того, в рассказе Л. Улицкой музыка является средством эстетизации однополой любви (сообщество московских мелогомофилов) наряду с эротическими эвфемизмами Николая Романовича («райский сад», «роза Содомы»). Ночь посвящения Славы в тайны телесной страсти ознаменовала для него конец периода «золотого детства», т.е. закономерный переход от «эстетики» любви к «физиологии» любви с познанием такого ее наслаждения, «что никакой музыке и не снилось» [2, с. 189]. Важно отметить, что музыка пробуждает в душе героев возвышенные чувства любви и трогательной дружбы: Слава и его единственная подруга Женя говорили только о музыке, под музыку Вагнера Женя влюбилась в Славу, а он тогда впервые «всею душой к ней рванулся» [2, с. 180].

Таким образом, в рассказе «Голубчик» Л. Улицкая создает особый тип иронического литературного ремейка, где набоковский оригинал, роман «Лолита», служит отправной точкой для переосмысления мифов о любви и браке, идеологически обоснованных реальностью советской эпохи 1950–1960-х гг. Изучение авторских стратегий гендерной игры с классикой должно явиться предметом отдельной работы, посвященной малой прозе Л. Улицкой.

Список использованной литературы

1. Лызлова С. М. Спальная кофта, ночной чепец и ортопедические туфли для Пиковой дамы / С. М. Лызлова // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии : научно-

- методический сб-к. – Вып. XXI. – Славянск : СГПУ, 2011. – С. 350 – 354.
- 2. Улицкая Л.** Голубчик / Л. Улицкая // Улицкая Л. Первые и последние : рассказы. – М. : Изд-во Эксмо. – С. 158-195.
- 3. Руднев В.** Энциклопедический словарь культуры XX века : Ключевые понятия и тексты / В. Руднев. – М. : Аграф, 2003. – 608 с.

Лызлова С. М. Гумберт Гумберт на «іншому боці світу» (на матеріалі оповідання Л. Уліцької «Голубчик»)

У статті розглянуто оповідання Л. Уліцької «Голубчик» як різновид іронічного літературного ремейку, в якому роман В. Набокова «Лоліта» слугує відправною точкою для переосмислення гендерних міфів радянської доби про любов і шлюб. Ремейк Л. Уліцької аналізується у двох аспектах – інтертекстуальні зв'язки з романом «Лоліта» та авторський контекст збірки «Перші та останні». Особливу увагу приділено символіці кольору та музики.

Ключові слова: деміфологізація, антитеза, іронічний ремейк, гендерні ролі.

Лызлова С. М. Гумберт Гумберт на «другом конце света» (на материале рассказа Л. Улицкой «Голубчик»)

В статье рассматривается рассказ Л. Улицкой «Голубчик» как разновидность иронического литературного ремейка, в котором роман В. Набокова «Лолита» служит отправной точкой для переосмысления гендерных мифов советской эпохи о любви и браке. Ремейк Л. Улицкой анализируется в двух аспектах – интертекстуальные связи с романом «Лолита» и авторский контекст сборника «Первые и последние». Особое внимание уделяется цветовой и музыкальной символике.

Ключевые слова: демифологизация, антитеза, иронический ремейк, гендерные роли.

Lyzlova S. M. Gumbert Gumbert on the «Other Side of the World» (by the story «Golubchik» of L. Ulitskaya)

The article deals with the story of L. Ulitskaya «Golubchik» to which V. Nabokov's novel «Lolita» serves as a starting point for the rethinking of soviet gender myths about love and marriage. The story of L. Ulitskaya «Golubchik» is considered as a variant of ironical literary remake. L. Ulitskaya's remake is analyzed in two aspects – intertextual connections between the novel «Lolita» / the story «Golubchik» and the author's context of the storybook «The First and the Last». The special attention is paid to colour and musical symbolism.

Key words: demifologization, antithesis, ironical remake, gender roles.

Стаття надійшла до редакції 21.01.2013 р.

Прийнято до друку 28.02.2013 р.

Рецензент – д. філол. н., проф. Дмитренко В. І.